

Евгения Сулова (Нижний Новгород)

Субъект и субъективация в новейшей русской поэзии: подступы к типологии

Вопросы субъективации рассматриваются в различных сферах филологического знания: в поэтике, поэтической грамматике, прагматике, теории языковой личности, семантике, лингвистике текста, коммуникативной грамматике, функциональной лингвистике, семиотике и др. Зачастую исследования явления субъективации либо сужаются до описания конкретных языковых фактов (лингвистический переко́с), либо производится расширение до понятия «личности», «телесности» и т.п. В последнем случае субъект описывается не как одна из категорий лингвопоэтики, а как компонент содержания поэтического текста наряду с другими (литературоведческий переко́с):

Специализируясь на передаче самых конкретных форм душевной жизни (притом в ее наиболее интенсивных стадиях), лирика по изначальной своей установке безымянна. Лирическому герою, исходя из глубины и конкретной единичности изображаемой ситуации, нет надобности называть ни себя, ни кого бы то ни было из участников лирического сюжета по имени. Достаточно, чтобы были упомянуты «я», «ты», «он», «она» и т.д.¹

В словарях субъектность понимается как «глобальная интегрирующая категория текста», а такие термины, как *субъектность речи*, *субъектность текста*, *авторизация*, *субъектная организация текста* понимаются как синонимы.²

С точки зрения исторической поэтики выделяются три типа субъекта: *синкретический*, *жанровый* и *лично-творческий*.³ В теоретической поэтике разработаны три классические категории для описания типов субъективации: *лирический герой*, *лирическое «я»*, *лирический субъект*. В основе этого разделения лежит критерий эксплицированности субъектной составляющей.

Л.Я. Гинзбург подчеркивает, что «термином лирический герой несомненно злоупотребляли [...] говорить о лирическом герое имеет смысл тогда, когда она [личность поэта] облекается устойчивыми чертами – биографическими, сюжетными».⁴ Л.Я. Гинзбург связывает актуализацию категории лирического героя с поэзией эпохи романтизма: в XIX веке «индивидуализация лирики разрушала канонические формы. Она предопредели-

¹ Сильман (1977, с. 37).

² Кожина (2003 (ред.), с. 517-518).

³ Бройтман (2008, с. 113).

⁴ Гинзбург (1997, с. 155).

ла все возрастающее значение индивидуального контекста (вместо контекстов устойчивых стилей)».⁵

Сам термин «лирический герой» впервые появляется у Ю.Н. Тынянова в статье о Блоке. Лирическое «я» близко к фигуре говорящего, при этом не является «объектом для себя».⁶ Термин лирическое «я» введен в науку М. Зусман в работе 1910 г.,⁷ использовался И. Анненским. «Характеристика лирического я – грамматически выраженное лицо», присутствующее «в тексте как „я“ или „мы“, которому принадлежит речь. [...] На первом плане не он сам, а какое-то событие, обстоятельство, ситуация, явление».⁸ Лирический субъект задается преимущественно «единством авторского сознания».⁹

В поэтике выделяются коммуникативный и прагматический аспекты субъективации. Здесь для нашего исследования значимыми оказываются переход от коммуникативности к автокоммуникативности (медитативная лирика) и тот факт, что коммуникативная структура, утопленная «внутри» текста, усложняет его рефлексивную структуру, в результате чего субъективация становится имплицитной.

Субъектная ориентация текста связана с первичной семиотической системой – языком и, как его реализацией, речью. Э. Бенвенист показывает, что субъект не просто проявляется в речи, но конституируется речевым актом: «я» имеет референтную соотнесенность с актом индивидуальной речи, в котором оно произносится и в котором оно обозначает говорящего. Этот термин может быть идентифицирован только в «единовременном акте речи» (*instance de discours*), имеющем только текущую референтную соотнесенность.¹⁰ Без языка и речи нет и субъекта. Этот тезис позволяет поставить вопрос о связи когнитивного потенциала новейшей поэзии и отсутствия прямой выраженности субъекта на уровне лексики. В коммуникативной грамматике субъект осмысливается в «субъектной перспективе высказывания» и реализуется через «субъектную сферу».¹¹

Ю.Н. Караулов выделяет три уровня языковой личности:

Структура языковой личности представляется состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более

⁵ Там же, с. 51.

⁶ Корман (1982, с. 13).

⁷ См. Susman (1910, S. 16-19).

⁸ Корман (1982, с. 13).

⁹ Гинзбург (1997, с. 149).

¹⁰ Бенвенист (1974, с. 295-296).

¹¹ Золотова / Онипенко / Сидорова (2004, с. 229-251).

или менее систематизированную картину мира, отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире.¹²

Это достаточно интересно, так как можно говорить о типе субъективации как об актуализации доминантного уровня и доминантной референтной области, к которой отсылает поэтический текст. Так, например, М.И. Шапир отмечал прагматическую направленность поэзии авангарда.¹³ Для поэзии второй половины XX века – начала XXI века в актуальном поле оказывается переход от вербально-семантического (в терминах Ю.Н. Караулова) к когнитивному плану.

Для разработки проблемы эксплицированности / имплицированности субъекта чрезвычайно значимы работы Ю.Д. Апресяна, описавшего дейктическую систему как сферу концептуализации говорящего:

Дейктическая лексика эгоцентрична [...] Фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка. С одной стороны, фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства. С другой стороны, ссылка на фигуру говорящего образует ядро толкования двух основных пространственных и временных дейктических слов естественных языков – *здесь* и *сейчас*, а через них – и всех остальных.¹⁴

Е.В. Падучева развивает идею Ю.Д. Апресяна о разграничении *говорящего* и *Наблюдателя*, определяя последнего как «нулевой знак с дейктическим значением», который выступает как «показатель вторичного дейксиса». Наблюдатель также определяется как «местодержатель» (place-holder) и «субъект восприятия, дейксиса и сознания».¹⁵

Оппозиция говорящего и Наблюдателя так же, как и классификация, принятая в поэтике, ставит вопрос о степени эксплицированности / имплицированности субъекта. Наблюдатель выступает как категория текста, в то время как говорящий – как категория высказывания. Если говорящий – это, прежде всего, субъект языка и речи, то Наблюдатель – это субъект сознания. Пограничной зоной между двумя этими модальностями служит поле дейксиса. К исследованиям о дейксисе примыкают работы в русле грамматики и поэтической грамматики о местоимениях и категории лица в поэзии.

¹² Караулов (1989).

¹³ Шапир (1995, с. 136-143).

¹⁴ Апресян (1995, с. 631).

¹⁵ См. Падучева (2006).

Большое значение для нашего исследования имеет изучение функционально-семантических полей и, прежде всего, поля персональности. А.В. Бондарко отмечает, что

[...] соотношение центра поля и периферии в структуре ФСП характеризуется совокупностью следующих признаков: а) максимальная концентрация базисных семантических признаков, определяющих качественную специфику данного ФСП (центр) – разреженность таких признаков (периферия); б) сосредоточение связей языковых единиц, участие в максимальном числе оппозиций (центр) – рассредоточение – «сетки связей», их ослабление, проявление той или иной степени изолированности (периферия); в) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы средств по отношению к реализации определенных семантических функций (центр) – меньшая степень специализации (периферия).¹⁶

А.В. Бондарко определяет поле персональности как моноцентрическое, то есть обладающее ярко выраженным центром и периферией. К центру относятся личные местоимения, а к периферии – сфера третьего лица, семантика обобщенноличности, неопределенноличности и безличности (по направлению к периферии). В периферийной зоне возможно «скольжение референта».¹⁷ Это указывает на такое свойство организации текста, при котором чем дальше от центра, тем сложнее сфокусироваться в определенной референтной области, чем дальше, тем более размытым становится референт, поэтому, чтобы понять, о чем идет речь, нужен бóльший фрагмент текста. Этот момент мы также учитываем при систематизации типов субъективации.

Лингвопоэтика и историческая лингвопоэтика, на наш взгляд, нуждаются в категории субъекта именно как *категории текста*. Итак, опираясь на вышесказанное, можно заключить, что субъект поэтического текста рассматривается как базовая моделирующая функция, а процесс моделирования – как *субъективация*. При разработке этой категории мы, опираясь на рассмотренные работы, полагаем, что в первую очередь важно учитывать несколько признаков: степень эксплицированности / имплицированности субъекта, степень расчлененности / нерасчлененности референции и доминантную референтную область (мир, знак, сознание), уровень реализации субъекта (лексика, грамматика, текст), интенциональность, которая проявляется как установка на предметность / установка на отношение, тяготение к синтагматической реализации / тяготение к парадигматической реализации (предельным выражением парадигматичности является организация по принципу поля). После осуществления этой процедуры нам важно проанализировать, каковы собственно языковые реализации того или иного субъекта в поэтическом тексте. Заметим, что в этой статье мы рассматриваем именно *внутреннюю парадигматизацию поэтического текста*, а смежные явления (визуальная поэзия,

¹⁶ Бондарко (1991 (ред.), с. 6).

¹⁷ Там же, с. 86.

эксперименты в области комбинаторики, поэтические упражнения в сериальности и т.п.) требуют отдельного рассмотрения.

Ю. Кристева, описывая динамическую структуру субъектности в современной поэзии, констатирует наличие «зерологического» субъекта, который «не зависит ни от какого знака», а «отношение знака к денотату сводится к нулю».¹⁸

Систематизацию, предлагаемую ниже, мы называем, вслед за А.В. Бондарко, функционально-семантической, так как типы субъективации выделяются в ней на основании вышеперечисленных критериев именно в отношении их базовой функциональной принадлежности. Мы предлагаем описание четырех типов субъектов поэтического текста: *репрезентирующего, референцирующего, модализирующего и концептуализирующего*. Названия эти громоздки, но они необходимы, чтобы отразить идею, что субъект задает определенную рефлексивную структуру текста посредством доминантной процедуры в процессе текстопорождения; именно эта процедура определяет базовый уровень содержания поэтического текста.

Первый тип субъективации, актуализирующий отношение *знак (мир)*, мы называем *репрезентирующим*. Он связан с нулевой степенью рефлексивности, так как для этого типа субъективации сохраняется релевантным отношение $S \rightarrow O$. Отличием от субъекта, традиционно называемого в поэтике «лирическим героем», будет степень условности мира, о котором в тексте идет речь, «каркадность» повествования. Общая установка на линейное развертывание повествования и синтагматическая ориентация, эклицированность субъекта посредством центра поля персональности и доминантная референтная область *мир* также характерны для этого типа субъективации. Языковым уровнем, на котором репрезентирующий субъект проявляется в большей степени, выступает лексика, в то время как синтаксис «затушевывается». Поэтическим текстам, в которых структурообразующим фактором будет репрезентирующий субъект, свойственна расчлененная референция и ориентация на предмет.

Второй тип субъекта, задающего диапазон *знак (мир ↔ знак)*, мы обозначили как *референцирующий*. Субъект, близкий к этому типу, появляется в эпоху авангарда, когда ставится вопрос о соотношении мира и знака. Для референцирующего типа характерна общая ориентация на отношение (предмет → процесс), наблюдается движение к парадигмизации текста и импликации субъекта посредством движения к периферии поля персональности, а также «скачки» от центра к периферии – и обратно. Субъект реализуется на уровне ограниченного контекста (высказывания), но высказывания, так как есть движение в сторону парадигматики, вступают в более тесные взаимоотношения друг с другом. Доминантные референтные области – *мир* и *знак*

¹⁸ Кристева (2004, с. 287-288).

(по отдельности и в их взаимоотношении). Такой субъект активно реализуется и в аспекте лексики, и в аспекте грамматики, актуализируя отношения между этими двумя ярусами языка. Чрезвычайно активна фразеология. Референция преимущественно расчлененная, а тенденция к нерасчлененной референции проявляется на уровне негации, когда референт отрицается или для него не существует прототипа в мире привычных предметов. Степень рефлексивности начинает постепенно нарастать.

Третий тип субъективации фокусируется на нашей шкале в точке *знак* (*знак*) и связан уже с гораздо большей степенью имплицированности субъекта (он близок к тому, что в поэтике называется *лирический субъект* и находится между говорящим и Наблюдателем в семантике). Такой тип субъективации связан, прежде всего, с коннотативным полем и реализуется как задающий специфическую модальность (процесс → коннотация), поэтому мы назвали его *модализирующим*. Субъект этого типа задает семиотический предел, поэтому реализуется чаще всего на уровне грамматики (дейксис, синтаксис и т.д.), при этом внимание от лексики смещается в сторону фразеологии, а лексический уровень становится пассивным. Доминантная референтная область – *знак*, и, как частный случай проявления, наблюдается смещение от зоны языка к зоне мышления. Увеличивается нерасчлененность референции, в результате чего для выявления субъекта требуется больший по объему контекст. В случае модализирующего субъекта мы видим еще более сильное тяготение к парадигматической организации, в то время как синтагматика перестает иметь определяющее значение.

Концептуализирующий – четвертый тип субъективации, где рефлексивность максимальна. Фокусировка происходит на отрезке *знак* (*знак* ↔ *сознание*). Примеры этого типа как раз и относятся к таким поэтическим текстам, в которых не всегда понятно, «о чем собственно идет речь». Это связано с нерасчлененностью референции, проявляющейся на уровне текста, а не на уровне отдельных высказываний (или референция на уровне отдельных высказываний не совпадает с референцией на уровне целого текста). Основная ориентация этого типа субъективации направлена на отношение, которое проявляется в установлении связи между областью сознания и ее знаковыми реализациями. Так как сознание не схватывается знаковыми конфигурациями, авторы используют аппарат образов-схем. Тексты такого типа можно назвать *концептным письмом*, то есть письмом концептами или письмом, направленным на формирование сингулярного концепта отдельно взятой единицы опыта. Концептуализирующий субъект может задавать организацию поэтического текста по принципу поля (коннотация → пространство), когда оппозиция между синтагматикой и парадигматикой перестает быть релевантной.

Для поэтических текстов, в которых определяющим фактором оказывается структура репрезентирующего субъекта, актуально объектное осмысление «я» (схема $S \rightarrow S(O)$) прежде всего на лексико-семантическом уровне.

Говоря иными словами, происходит тематизация «я». К авторам второй половины XX века – начала XXI века, у которых появляются стихотворения с такой организацией, можно отнести Е. Шварц, В. Кривулина, О. Седакову, О. Юрьева, В. Аристова, А. Афанасьеву, П. Барскову, В. Гандельсмана, Л. Аронзона, К. Капович, А. Левина, Т. Кибирова, В. Павлову, А. Порвина, М. Степанову, И. Жданова и др. Нужно подчеркнуть, что каждое стихотворение требует отдельного рассмотрения, потому что авторы могут как ориентироваться на один тип текстообразования, так и работать с чрезвычайно разными стратегиями, как, например, Л. Аронзон, отличающийся широким диапазоном поэтик.

Поэтические тексты этого типа характеризуются синтагматической плотностью, в них преобладает импульс линейного развертывания в рамках описания или свернутого повествования. Чаще всего, субъективация связана с действием центра поля персональности: актуализируются местоимения первого и второго лица, возвратные местоимения, притяжательные местоимения, двухсоставные полные и односоставные личные предложения. Наблюдается системная противопоставленность первого, второго / третьего лица, которая знаменует собой движение к периферии поля персональности):

Я человек. Я вижу мир
(Там птица ходит неустанно)
Из спутанных мохнатых лир,
Стоящих с краю Океана;
Я – человек, я – с краю ночи,
И руки смутные короче,
Чем мир, хоть он и невелик.
Я – блик – скользнув по небосводу,
Сам засветив себе природу,
Я слезкой лег на материк.¹⁹

На уровне текста нарастание противопоставления субъекта и объекта и переход от позиции субъекта к позиции объекта может происходить благодаря использованию тире. В строке «Я человек. Я вижу мир» обозначено отношение через семантику зрения. Здесь имплицировано определение: человек – тот тот, кто видит мир. В строке «Я – человек, я – с краю ночи» при повторе появляется тире, которое нормативно только в том случае, если есть противопоставление. Здесь уже происходит синтаксическая экспликация тавтологического определения. В строке «Я – блик – скользнув по небосводу» возникает определение субъекта как блика, то есть того, что можно видеть. В процессе уточнения собственной природы субъект в стихотворении О. Юрьева проходит путь: *тот, кто видит* → *тот, кого можно увидеть (то, что можно увидеть)*, то есть *я* → *мир*: «Сам засветив себе природу, / Я слезкой лег на материк».

¹⁹ Юрьев (2004).

На лексико-семантическом уровне может быть задана тема телесного разрушения, исчезновения, любого другого типа деструкции, связанной с рефлексами авангардного языка, но на уровне субъектно-объектной схемы абсолютно четко будет сохраняться репрезентирующий тип:

Я исчезаю по частям.
 Вчера моя нога
 Не вышла ужинать к гостям,
 Лишившись пирога.
 Сегодня в зеркало смотрю,
 На месте лба – тайга.
 Когда пропал мой верный нос,
 Я поняла без слов,
 Что в темноту его унес
 Коварный Ковалев.²⁰

Чтобы осуществился переход к другому типу субъективации, обязательно должны возникнуть изменения на уровне грамматики. Для репрезентирующего субъекта традиционно использование риторических фигур, направленных на модификации в области семантики. Такими средством чаще всего становятся метафора и сравнение. Уровень фразеологизации обычно оказывается незадействованным, в текстах наблюдается свободное связывание слов. Оппозиция *мир* ↔ *знак* непосредственно тематизируется, то есть служит содержанию сообщения и не выходит за рамки семантики.

В поэтических текстах, конституированных референцирующим типом субъекта, имеет место «языковой взрыв», приводящий к ряду лексико-грамматических следствий. Возникновение этого типа субъективации относится к периоду семиотического авангарда, так как он проблематизирует границу *мир* ↔ *знак*. К поэтам первой половины XX века, многие поэтические тексты которых были организованы таким способом, можно отнести, например, М. Цветаеву, В. Маяковского, В. Хлебникова. Среди поэтов второй половины XX века – начала XXI века можно назвать Е. Хорвата, В. Соснору, Т. Дунченко, В. Бородина, А. Горенко и др.

Для текстов такой внутренней структуры характерны размывание границы между местоимением первого лица ед. ч. и третьего лица ед. ч., так как разрушается оппозиция, выраженная схемой $S \rightarrow S(O)$, свойственная репрезентирующему типу, а также другие проявления *деформации залоговости, возвратности, глагольной валентности*. На уровне местоименной поэтики происходит расслоение референцирующего субъекта (по терминологии Ю.Д. Апресяна) на говорящего и наблюдателя:

Я отвернусь, как латинское R,
 к стенке пустой. Не ищи идеала
 в жизни. Ты сам для кого-то пример,
 так завернувшись в свое одеяло,

²⁰ Барскова (2005).

как завернулся. А, впрочем, к чему
здесь обращенье? К кому обращаться –
уж не к себе ли? И вправду, ему
нечего кем-то еще обольщаться [...]»²¹

Р – зеркально перевернутый двойник Я. Оппозиция поддерживается тем, что строка замыкается в начале и в конце этими знаками, вследствие чего возникает идеографический план симметрии или отражения. Поворот Я связан также с внутренним поворотом – рефлексией субъекта, знаком которой может также служить латинское R. От «я» мы переходим к «ты», а затем и к местоимению третьего лица ед. ч. «ему». Общее смысловое движение задается наложением семантических полей ключевых глаголов «отвернусь – завернувшись – завернулся – обращаться», так или иначе связанных с семантикой оборачивания. Оборачивание соотносится с временной перспективой стихотворения: «я» относится к плану будущего времени, «ты» – к прошедшему, а личное местоимение в косвенной форме «ему» используется в инфинитивной конструкции. А. Жолковский отмечает, что инфинитивные конструкции связаны с мотивами «альтернативности и небытия».²² Такое движение я → он не овнешняет, а овнутряет понимание о субъекте, освобождающееся от привязанности к предметности и наглядности. В другом стихотворении Е. Хорвата:

Мы хитрости своей стыдимся, но Аполлону не сдадимся
и в том неизъяснимый смак,
что «Я» шагающая буква, и связки травм моя обувка,
и на песке не след, но знак.²³

На синтаксическом уровне референцирующий субъект реализуется в компрессии конструкций, при этом непосредственно не выражается. Тексты такого типа характеризуются движением в сторону периферии ФСП:

кости глоток костей водная голова
вычертит струн гостей вора и на лаваш
лестница упадет улица пережмет
яблоком голубым яблоком голубым
имя зверей звенит воздуха головной
мозг через тридцать лет яблочный нитяной
вышедший из-под рук утреннего луча
вымерший изумруд головы без ключа

вылетели внутри времени голоса
ходят по две – по три маются на сносках
сносят себя собой вымерзшие орут
мокнул и тают в бой выжженный изумруд

²¹ Хорват (2005).

²² Жолковский (2000).

²³ Хорват (2005, с. 4).

острова голубей нет голубей его
пальцы и грубей пальцев и ничего
не обретает плоть прежде чем стать своим
остовом говорю и исчезаю с ним.²⁴

Стихотворение В. Бородин построено на эллиптических конструкциях и дистанцировании синтаксически связанных слов, как, например, во фрагменте «го́ловы без ключа / вылетели внутри времени голоса / ходят по две-по три маются на сносях / сносят себя собой» восстанавливается пропозиция «го́ловы ходят по две – по три». В стихотворении доминирует корпоральная лексика, которая связана с метонимическим смещением. Для референцирующего субъекта в целом характерна метонимическая динамика. Противопоставленными оказываются развернутые и эллиптические высказывания. Развернутым высказыванием заканчивается стихотворение с семантикой речи: «и ничего / не обретает плоть прежде чем стать своим / остовом говорю и исчезаю с ним». Референцирующий субъект здесь интериоризирован, поэтому возникают грамматическое сгущение, близкое к архаическому нанизыванию, и уплотнение слов, однокоренных или близких по звучанию (тексты такой организации тяготеют в паронимической аттракции).

Актуализация возвратного местоимения «себя» в этом типе текстообразования связано с конструированием мира, обращенного внутрь. «Себя» – это оператор пространственных трансформаций. Другим маркером такой обращенности служит в тексте многократное повторение одних и тех же синтаксических конструкций определения по модели «я (есть)...». Актуализация местоимения «сам» (этимологически восходящего к слову со значением «один») в разных значениях также характерна для поэтических текстов с референцирующим субъектом. Проникание признаков одних предметов в другие приводит к грамматическому нарушению употребления возвратных компонентов высказывания:

Небце синее косое
дурно глянется в меня
поделись-ка ты со мною
полстраною и коня²⁵

Л.В. Зубова отмечает, что

[...] поэтические эксперименты с деформацией валентной структуры глаголов (это касается и синтаксической, и семантической валентности) свидетельствуют о значительном изобразительном и когнитивном потенциале валентных свойств глаголов.²⁶

В стихотворении А. Горенко присутствует нарушение как грамматической, так и семантической валентности. Вероятно, глагол «глядится» ассоцииру-

²⁴ Бородин (2008, с. 11).

²⁵ Горенко (2003).

²⁶ Зубова (2009, с. 54).

ется с глаголом «глядеться», который, в отличие от использованного поэтом, допускает возвратную форму. Такая замена поддерживается строкой «дурно глянется в меня», то есть «посмотрит в меня, как будто я зеркальце», так как существует устойчивое выражение «глядеться в зеркальце». Реконструируемая метафора «небо – зеркало» реализуется в слове «небце», соединяющем в себе и небо, и зеркальце. В стихотворении «небце» смотрит в субъекта, а не наоборот, вследствие чего свойствами зеркала наделяется референцирующий субъект А. Горенко. Здесь актуализируется другая метафора: «сознание – зеркало». Наречие «дурно» возникает благодаря грамматической компрессии: существует фразеологизированное выражение «дурно выглядеть», поэтому строка «дурно глянется в меня» может быть понята как соединяющая в себе два акта действия: «посмотреть» и «увидеть, что выглядит дурно», тем более «небце» употреблено с эпитетом «косое». В стихотворении А. Горенко возникает семантика взаимности: в случае, когда субъект смотрит в небо, небо тоже в него смотрит, поэтому можно говорить не о субъектно-объектной схеме, а о процессе, ведущем к устранению разрыва между внешним и внутренним.

Модализирующий субъект, третий выделяемый нами тип субъективации, более других связан с категориями языка и находится ближе всего к тому, что Ю.Д. Апресян и Е.В. Падучева называют Наблюдателем. Он может не иметь прямых экспликаций в тексте. Этот тип субъективации связан с традицией обэриутов (прежде всего, с опытами Д. Хармса), а именно с активизацией понятийного компонента в поэтическом тексте, цель которого – «раскрыть отношение между мыслью, языком и миром»²⁷ посредством описания предмета, на котором сфокусирован взгляд. Во второй половине XX века – начале XXI века тексты с таким типом субъективации можно найти у А. Альчук, А. Монастырского, Л. Рубинштейна, П. Андрукович, Я. Сатуновского, Н. Азаровой, Д. Гатиной, Д. Давыдова, А. Скидана, В. Некрасова и др. В текстах с модализирующим субъектом актуализируется коннотативный план. Если репрезентирующий тип субъективации, по большей части, связан с денотативным планом, то модализирующий тип субъективации – с коннотативным.

Если для предыдущих типов субъективации наиболее значимым было отношение *мир ↔ знак*, то в поэтических текстах с модализирующим типом субъективации проблематизируются отношения языка и мышления, что может быть выражено на уровне грамматики или коннотации текста. Если в двух предыдущих стратегиях текстообразования единицей поэтического текста можно считать слово, то для текстов с модализирующим субъектом такой единицей служит синтагма. Парадигматизация выходит на первый план по сравнению с синтагматизацией (ослабляется действие локальной

²⁷ Валиева (2007, с. 6).

связности). Модализирующий субъект может быть полностью имплицирован и «просвечивать» только как средство связи речевых контекстов:

может быть
вопрос в степени

действительно показаться
не будет ли чрезмерным спросить

во всяком случае
согласно эстетике

тем не менее

следует ли нам сожалеть
готов поверить

все что он пытался сказать
вы ничего не забыли

если мои воспоминания
об искусстве точны

выражать нечего
выражать нечем

нет желания выражать
впрочем

говоря логически
никакая.²⁸

Основной прием в текстах с модализирующим субъектом – это схематизация: чтобы понять речь, нужно схематизировать речевой акт. Стихотворение фактически становится наглядной моделью, играющей важную роль в процессе познания. Если для репрезентирующего субъекта характерна устойчивость одной точки зрения, для реферирующего возможны ее смещения, то для модализирующего субъекта характерно неразличение одной / многих точек зрения.

Для поэтических текстов с концептуализирующим субъектом наиболее характерным признаком является нерасчлененность референта: мы не понимаем, к чему именно текст отсылает, потому что центральной проблемой высказывания является «проблема перехода смысла в значение».²⁹ Истоки в русскоязычной традиции можно увидеть в поэзии поставангарда, в частности, в поэзии А. Введенского. Во второй половине XX века – начале XXI

²⁸ Скидан (2005, с. 30).

²⁹ Лурия (1979, с. 193).

века можно назвать некоторые тексты Г. Айги, А. Драгомощенко, Н. Сафонова, С. Огурцова, Д. Ларионова и др. В поэтических текстах с концептуализирующим субъектом большую роль играет пространственная организация семантического плана, которая приводит к тому, что повторяющиеся элементы по организации значения приближаются к значению концептов:

И тут я сказал *декупаж дилеммы* вырваны брошены в рамках внутренней речи
клеммы плавилась так.

Аффекты анафоры торопливы и ты, офелия-трата, ведешься по следу.

N. с несчастным сознанием плюс S. на Z. минус слэш. Скользящий каменный
берег вне эксклюзива инсайта.

Свернувшись под слоем слепой информации, преодолевшие символизм,
ссылая сыпь страха до завтра.³⁰

В этом тексте Дениса Ларионова проявляется сильная тенденция к семантической нелинейности, синтагматические и парадигматические отношения оказываются в равной степени важны, референциальная область размыта, при этом имеет место смысловое сжатие.

Таким образом, четыре типа субъективации как четыре дискурсивные стратегии могут рассматриваться как базовые точки некоей общей оси, на которой возможны различные градации. Это подход позволяет связать семантический, грамматический и функциональный планы, позволяя увидеть, как коммуникативная (пусть и бессознательная) установка поэта влияет на логику развертывания поэтического текста.

Литература

- Апресян, Ю. (1995): Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян, Ю.: Избранные труды: В 2 тт. Т. 2.: Интегральное описание языка и системная лексикография. М. 629-650.
- Барскова, П. (2005): Бразильские сцены. М. / Тверь. <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barskova5.html> (5/02/2018).
- Бенвенист, Э. (1974): Общая лингвистика / Пер. с франц. Ю. Караулова и др. М.
- Бондарко, А. (ред., 1991): Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб.
- Бородин, В. (2008): Луч. Парус: Первая книга стихов. М.
- Бройтман, С. (2008): Лирический субъект // Тамарченко, Н. (ред.): Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М. 113-114.
- Валиева, Ю. (2007): Игра в бессмыслицу: поэтический мир Александра Введенского. СПб.

³⁰ Ларионов (2010).

- Гинзбург, Л. (1997): О лирике. М.
- Горенко, А. (2003): Праздник неспелого хлеба. М. <http://www.vavilon.ru/texts/gorenko1.html> (5/02/2018).
- Жолковский, А. (2000): Бродский и инфинитивное письмо // Новое литературное обозрение. 45, 2000. <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/45/-20.html> (5/02/2018).
- Золотова, Г. / Онипенко, Н. / Сидорова, М. (2004): Коммуникативная грамматика русского языка. М.
- Зубова, Л. (2009): Глагольная валентность в поэтическом познании мира // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сб. докладов Международного научного семинара. М. 39-55.
- Караулов, Ю. (1989): Русская языковая личность и задачи ее изучения http://destructioen.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm (5/02/2018).
- Кожина, М. (ред., 2003): Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.
- Корман, Б. (1982): Литературоведческие термины по проблеме автора. Ижевск.
- Кристева, Ю. (2004): Избранные труды: Разрушение поэтики. М.
- Ларионов, Д. (2010): Стихотворения // TextOnly. 2, 2010. <http://textonly.ru/votum/?issue=32&article=33400> (5/02/2018).
- Лурия, А. (1979): Язык и сознание. М.
- Падучева, Е. (2006): Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог-2006»; Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г. М. 403-414.
- Сильман, Т. (1977): Заметки о лирике. Л.
- Скидан, А. (2005): Красное смещение. М. / Тверь. <http://www.vavilon.ru/texts/skidan10.html> (5/02/2018).
- Хорват, Е. (1980): Я отвернусь, как латинское R... <http://rvb.ru/np/publication/01text/48/01horvat.htm> (5/02/2018).
- Хорват, Е. (2005): Раскатанный слепок лица: Стихи, проза, письма. М.
- Шапир, М. (1995): Эстетический опыт XX века: авангард или постмодерн // Philologica. 3-4, 1995. 135-152.
- Юрьев, О. (2004): Избранные стихи и хоры. М. <http://www.vavilon.ru/texts/prim/yuriev3-2.html> (5/02/2018).
- Susman, M. (1910): Das Wesen der modernen deutschen Lyrik. Stuttgart.